

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316-47
doi: 10.17223/1998863X/65/17

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ РИСКОВ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Андрей Викторович Алейников¹, Георгий Петрович Артемов²,
Анна Георгиевна Пинкевич³

^{1, 2, 3} *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *a.alejnikov@spbu.ru*

² *g.artemov@spbu.ru*

³ *a.pinkevich@spbu.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования, посвященного гендерной специфике представлений об опасностях и угрозах и гендерным аспектам поведения в ситуации риска. Показаны гендерные различия в восприятии риска, определении его социальной приемлемости. Выявлены гендерные особенности классификации и ранжирования угроз и оценок реакций на них российских политических институтов, их действий по управлению угрозами и их нейтрализации.

Ключевые слова: гендер, риски, восприятие риска, политические действия

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-18-00115.

Для цитирования: Алейников А.В., Артемов Г.П., Пинкевич А.Г. Гендерная специфика политической рефлексии рисков: опыт социологического измерения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 178–191. doi: 10.17223/1998863X/65/17

SOCIOLOGY

Original article

GENDER SPECIFICITY OF A POLITICAL REFLECTION ON RISKS: AN EXPERIENCE OF A SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

Andrei V. Aleinikov¹, Georgii P. Artemov², Anna G. Pinkevich³

^{1, 2, 3} *Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *a.alejnikov@spbu.ru*

² *g.artemov@spbu.ru*

³ *a.pinkevich@spbu.ru*

Abstract. The focus of the article is an analysis of the gender characteristics of perception and understanding of one's vulnerability to dangers, assessment of risks and threats, the level of security of the environment, the context of influence on political and social relations. The aim of the article is to identify the gender characteristics of the influence of "politically reflexive" risks on the nature of manifestations of political participation and to reveal the gender specificity of social mechanisms of the relationship between threat identification and various ways of participation (non-participation) in politics. The range of issues related to the analysis of the gender aspects of behavior and gender attribution in situations of threat / danger / risk is being problematized. The article presents the results of an all-Russian sociological survey conducted in 2020. According to the study, women are more likely to consider risks as an inevitable companion of human existence, and they feel much less safe. The gender features of the classification and ranking of threats and assessments of the reactions of Russian political institutions to them, their actions to manage threats and neutralize them are revealed. According to the survey, women are more inclined to believe that, when a threat arises, the authorities try to "hush it up", while men believe that the authorities shift the responsibility for solving "risk situations" to the population. The study revealed that women are more likely to choose milder forms of political action; men are more focused on participating in protests, including radical ones. The authors propose areas of research in the field of gender riskology – analysis of the gender features of behavioral strategies in situations of uncertainty and risk, gender differentiation of parameters of social acceptability of risk, gender aspects of various types of risk adaptations, gender component of political interests in riskogenic society.

Keywords: gender; risks; risk perception; political actions

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00115.

For citation: Aleinikov, A.V., Artemov, G.P. & Pinkevich, A.G. (2022) Gender specificity of a political reflection on risks: an experience of a sociological measurement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 178–191. doi: 10.17223/1998863X/65/17

Введение

Исследовательский вопрос, поставленный в данной статье, связан с выявлением гендерных социально-психологических особенностей политическо-го осмысления угроз и опасностей на современной стадии развития России как «общества всеобщего риска» [1]. Принципиальные изменения экономического и политического порядков, потеря рациональных оснований понимания социальной реальности, когда опрокинута привычная иерархия повседневных рисков и «риск-катастроф», конструирует новую структуру восприятия угроз и опасностей, соотношения рефлексивного «нереалистического оптимизма» [2] и «нереалистического пессимизма» [3], социальных представлений о стратегиях поведения в условиях уязвимости.

Иначе говоря, выстраивается иная «картография» взаимодействия производителей, потребителей и носителей риска на основе ценностей распределения и потребления ресурсов адаптации к нему. К элементам социального ресурса индивидов социологи обосновано относят гендер и гендерную социализацию [4, 5].

В данной работе мы придерживаемся понимания риска как интегральной характеристики, сочетающей в себе оценки как вероятностей реализации решения, так и его последствий [6. С. 85]. «Каждый индивид, – подчеркивает Э. Гидденс, – составляет для себя набор оценок риска, которые могут быть более или менее ясно артикулированы, построены на основе хорошей ин-

формированности и „открыты“. Но возможно и обратное, когда [эти оценки] в основном делаются по инерции. Мышление в понятиях риска становится более или менее неизбежным» [7. С. 120–121].

Существенно и то, что риск-рефлексии, альтернативные версии и интерпретации угроз и опасностей являются важнейшим механизмом социального конструирования идентичности. Это подразумевает, используя определение И. Гофмана [8. С. 306–330], «гендерный дисплей» и его восприятие, демонстрацию гендерных маркеров в процессе взаимодействий и диспозиций, конвенциональные (неконвенциональные) способы предъявления своей половой принадлежности и нарушения гендерных норм в ситуациях угрозы / опасности / риска [9].

Как подчеркивал У. Бек, ключевой проблемой общества риска является политика распределения и компенсации риска [10. С. 21].

Принципиально важной представляется также осуществляемая в рамках международной стратегии уменьшения опасности и бедствий ООН работа по интеграции гендерных проблем во все аспекты снижения риска. В руководстве «Снижение риска бедствий с учетом гендерного аспекта. Стратегия и практическое руководство» подчеркивается, что «среди ответственных за снижение риска бедствий наблюдается серьезное непонимание гендерных аспектов; все еще имеет место институциональная маргинализация гендерных вопросов, а также недостаток политической ответственности и потенциала для интеграции гендерных аспектов в СРБ» (снижение риска бедствий. – А.А., Г.А., А.П.) [11. С. 2].

Следует отметить, что в основе исследовательских стратегий «атмосферы риска» доминируют установки, модифицируя образное понятие И.Н. Ионова [12. С. 86], «рискологического унисекса», т.е. нивелирования различий феминных и маскулинных черт поведения в ситуации риска, особенностей его восприятия. «Гендерные линзы» [13] системы представлений об опасностях и угрозах и «гендерные схемы» действия и поведения в ситуации риска выступают в лучшем случае вторичными переменными, что, по нашему мнению, существенно обедняет различные версии «общества риска».

Тем самым, по сути, за скобки выносятся такая перспективная исследовательская опция, как задача рассмотрения «социогендерных рисков как подвидов рисков социальных» [14. С. 9].

Показательны в этом отношении дискуссии о степени и характере гендерных различий в восприятии риска, гендерной приемлемости рисков, ведущиеся в рамках одного из самых влиятельных подходов к изучению восприятия риска в западной социальной науке – «психометрической парадигмы» [15], которая акцентирует «внимание на социальной детерминации специфики восприятия риска различными категориями населения» [16. С. 80].

Самый яркий представитель этого направления П. Словик совместно с коллегами неоднократно обращался к проблематике «гендер и риск» [17, 18], отмечая в разные годы практическое отсутствие прогресса в исследованиях гендерных различий в воспринимаемом риске. Пожалуй, самым существенным исследовательским вопросом в рамках психометрической парадигмы было изучение предпочтительных уровней риска для мужчин и женщин. При этом рецепты изучения гендерных различий, связанных с дифференциацией

принимаемых решений в ситуации рисков, фиксировались лишь в плане постановки проблемы.

Однако подобные теоретические ремарки о более консервативном поведении женщин в риске и эмпирические выкладки не проясняют гендерно специфичную связь восприятия и оценивания, «рефлексивного отслеживания риска» (Э. Гидденс) с реальным поведением в рискованной ситуации, не артикулируют гендерную детерминацию дифференцированных паттернов адаптационных стратегий в «поле неравного распределения риска». Исследователи риска лишь иногда включают в круг рассмотрения «социальные ожидания относительно поведения, рассматриваемого как соответствующее для мужчин и женщин» [19. С. 665], гендерные проявления реакций на осознание риска в форме прагматичного принятия, сдержанного оптимизма, циничного пессимизма или борьбы с источниками угрозы [20. С. 120–121].

Теоретическим фокусом современной гендерной рискологии является проблематизация вопроса: «как следует мыслить об эффектах гендера в социальных и институциональных отношениях» [21] в идентификации, оценке социальной приемлемости и выборе стратегий адаптации к рискам. Такая концептуальная оптика нацеливает на поиски ответов на ряд вопросов о гендерных характеристиках «подпространства риска», которое, используя методологию П. Бурдьё, мы рассматриваем как асимметричную структуру производства, воспроизводства, ранжирования и распределения угроз и рисков, функционирующую «одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» [22. С. 40].

Как различия между полами детерминируют производство риска или реализацию рискованного поведения? Каким образом эти различия сказываются на выборе стратегий адаптации к риску у его потребителей? Усиливают ли гендерное неравенство, гендерные стереотипы и «гендерные асимметрии» [23] ортогональность власти и общества в рисковом пространстве, «риска-асимметрию», т.е. доминирующую роль «асимметричных ответов» на вызовы и угрозы, при которой риск становится некоммуникабельным, связывается только с решениями и действиями власти (их импульсивностью и ситуативностью, искаженностью управленческой информации, отсутствием альтернативных решений)? [24].

Исследовательская установка Джоан Скотт, которая утверждала, что «гендер есть первичное поле, внутри которого или посредством которого артикулируется власть... политика конструирует гендер, а гендер конструирует политику» [21. С. 425–426], дает возможность обратиться к трактовкам риска как части политического дискурса [25] угроз и опасностей, который «разыгрывается на поле гендера», во многом определяя различия форм поведения в условиях риска и «гендерных ожиданий» от политических институтов по управлению угрозами и их нейтрализации.

Расширить горизонты исследования восприятия риска позволяют и «гендерные линзы» идентификации, классификации и ранжирования угроз как отражение представлений о гендерном знании и опыте действия в ситуации «повседневных» и «повышенных» рисков.

Цель нашего исследования – перефокусировать анализ влияния «политически отрефлексированных» рисков на характер проявлений политического участия, добавив в него гендерную аналитическую оптику, и переосмыслить

в социально-психологическом ключе представления о гендерной специфике социальных механизмов взаимосвязи между идентификацией угроз и различными способами участия (неучастия) в политике.

Методы и материалы

Авторы опираются на положения теории гендерных проявлений реакций на осознание риска Э. Гидденса, концепции политизации и морализации риска, его принятия и избегания в процессе диалогического социального конструирования М. Дуглас, специфики восприятия риска А. Вилдавски и К. Дейка, стратегий «риска в действии» и «риска в мышлении» Д. Канемана и методику измерения факторов, влияющих на восприятие риска населением, П. Словики.

Исследование проводилось в ноябре 2020 г. ресурсным центром СПбГУ «Социологические и интернет исследования». В исследовании приняли участие 1 620 человек в возрасте от 18 лет и старше. Тип используемой выборки – репрезентативная многоступенчатая, с контролем квот по полу, возрасту, месту проживания. Социально-демографическая структура выборки: мужчины – 719 (44,4%), женщины – 901 (55,6%); люди в возрасте от 18 до 29 лет – 23,8%, от 30 до 39 лет – 18,4%, от 40 до 49 лет – 17,1%, от 50 до 59 – 18,8%, 60 лет и старше – 22%. Во всероссийском исследовании использовался метод сбора данных – телефонный опрос. В анкету вошли закрытые, открытые и смешенные вопросы. Создание электронной базы данных и обработка количественной информации осуществлялись с помощью лицензионного статистического пакета IBM SPSS Statistics, версия 25.0. Для анализа полученных данных были использованы одномерное распределение частот, таблицы сопряженности, стандартизованные остатки.

Результаты

Результаты анализа данных опроса показали, что по большинству переменных обнаруживаются отличия мнений мужчин и женщин.

Ситуация в стране на момент опроса оценивалась большинством опрошенных как негативная (62,5%: 48,1% считают ситуацию кризисной и 14,4% – катастрофической). При анализе распределения ответов на данный вопрос в зависимости от пола респондентов выяснилось, что женщины несколько более склонны оценивать ситуацию как кризисную (рис. 1). В то же время среди мужчин больше тех, кто оценивает ситуацию как катастрофическую.

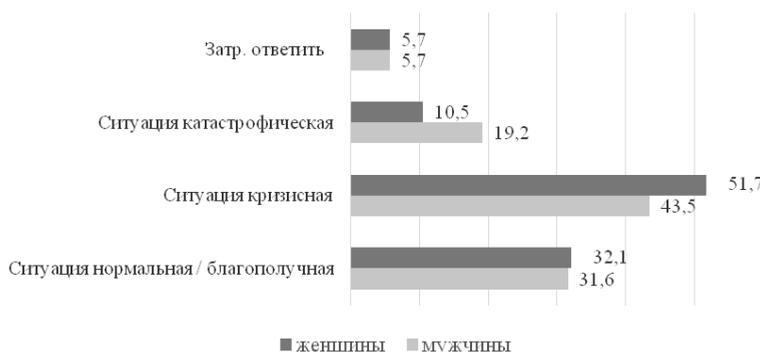

Рис. 1. Оценка ситуации в стране, % от числа опрошенных

К числу наиболее важных проблем нашего общества можно отнести следующие: низкий уровень жизни населения (низкая зарплата, низкие пенсии); безработица; дорогое медицинское обслуживание, отсутствие специалистов, дорогие лекарства; кризис межличностных отношений (агрессивность, безразличие, недоверие, бескультурье); коррупция; некачественное и дорогое образование; бездействие властей, кризис экономики, социальная несправедливость.

В нашем исследовании установлено, что женщины в большей степени, чем мужчины, обеспокоены такими проблемами, как уровень и качество медицинского обслуживания, стоимость лекарств, а также уровень и стоимость образования (рис. 2). Данная особенность подтверждена и стандартизованными остатками (проблемы медицины для женщин – 3,3; проблема образования – 2,7). Мужчин больше тревожат коррупция и бездействие властей. Стандартизованные остатки также значимы в обоих указанных случаях (коррупция – 4,2; бездействие властей – 2,3).

Рис. 2. Наиболее важные проблемы нашего общества для мужчин и женщин, %

В ходе опроса были выявлены следующие угрозы, существенные для респондентов (выстроены в соответствии с частотой упоминания): экологические бедствия (попадание вредных веществ в воду, пищу, воздух, вырубки лесов); ухудшение, утрата здоровья; угроза войны со стороны других государств; потеря работы, служебного положения, безработица; потеря имущества, собственности, утрата сбережений; стресс, одиночество, ощущение, что жизнь зашла в тупик; дискриминация по признаку пола, возраста, национальности, за религиозные, политические убеждения. Отличия в восприятии угроз женщинами и мужчинами касаются прежде всего угрозы ухудшения или утраты здоровья (стандартизованные остатки составили для женщин – 1,9; для мужчин – 2,1), потери имущества и собственности (стандартизованные остатки составили для женщин – 1,7; для мужчин – 1,9) и угрозы войны со стороны других государств (стандартизованные остатки составили для женщин – 2,1; для мужчин – 2,4) (рис. 3).

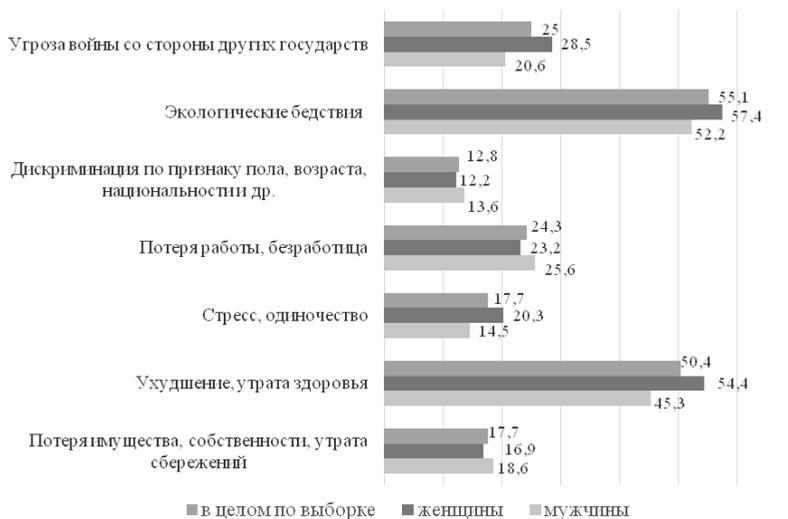

Рис. 3. Угрозы, существенные для респондентов, %

В исследовании были рассмотрены возможные, с точки зрения респондентов, действия властей при возникновении угрозы. Большинство упоминаемый набрал вариант, что при возникновении угрозы власти ее «умалчивают» (44,2%), 27,7% опрошенных ответили, что «власти берут ответственность на себя», 13,5% – что «власти перекладывают ответственность на население». Первое отличие в ответах на этот вопрос среди мужчин и женщин касается позиции, что «власти умалчивают угрозу» (стандартизованные остатки составили для женщин – 2,2; для мужчин – 2,5). Как очевидно из данных, женщины в большей степени склонны присоединяться к этой позиции (рис. 4). Второе отличие мужчин и женщин в ответе на этот вопрос касается мнения, что власти перекладывают ответственность за решение угрозы на население (стандартизованные остатки составили для женщин – 3,1; для мужчин – 3,5). Этот вариант ответа чаще выбирают мужчины, чем женщины, и положительная величина стандартизованных остатков подтверждает это.

Рис. 4. Возможные действия властей при возникновении угрозы, по мнению женщин и мужчин, %

При возникновении угрозы сами респонденты в подавляющем большинстве готовы обсудить это с родными и знакомыми, остальные варианты отве-

тов набрали примерно одинаковое количество упоминаний. Наименьшее число упоминаний набрал вариант «обратиться в случае угрозы к средствам массовой информации» (рис. 5). Основное отличие между мужчинами и женщинами в этом вопросе касается как раз готовности обсудить угрозы с родными и близкими: женщины – 78,8%, мужчины – 73,5%; стандартизованные остатки составили для женщин – 1,9; для мужчин – –2,1, – т.е. женщины более склонны выбирать данный вариант ответа.

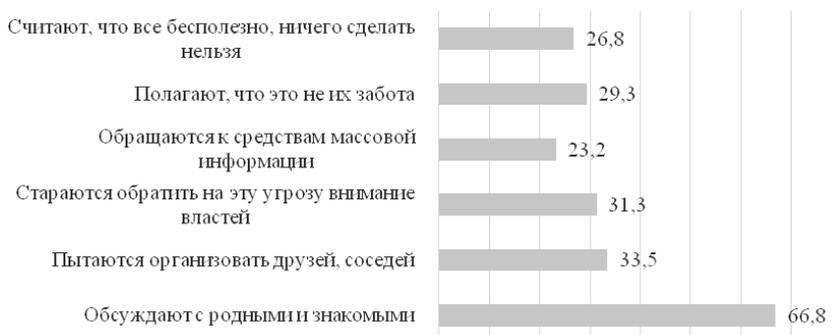

Рис. 5. Действия, предпринимаемые для предотвращения и смягчения угрозы, % от числа опрошенных

Фактически же в ситуации возможной угрозы большинство надеется на себя. На втором месте, но при почти в два раза меньшем упоминании, стоят общественные объединения, Президент России и государственные структуры, а также СМИ. На последнем месте – международные организации и частные компании (рис. 6).

Рис. 6. Надежды респондентов при возможной угрозе, %

Отличия в мнениях по этому поводу мужчин и женщин касаются трех позиций. Так, женщины более склонны, чем мужчины, надеяться в ситуации угрозы на президента страны (стандартизованные остатки составили для

женщин – 2,5; для мужчин – –2,8), на государственные органы и ведомства (стандартизованные остатки составили для женщин – 1,7; для мужчин – –1,9) и средства массовой информации (стандартизованные остатки составили для женщин – 2,4; для мужчин – –2,7).

Подавляющее число респондентов полагают, что риски – это неизбежное условие человеческого существования (68,1%), причем женщины более склонны присоединяться к данному суждению (женщины – 71,4%, мужчины – 64,0%; стандартизованные остатки составили для женщин – 1,9; для мужчин – –2,1). Чувство угрозы безопасности в целом среди опрошенных находится на достаточном уровне. Так, большинство опрошенных чувствуют себя в относительной (45,9%) и полной (38,5%) безопасности в своем районе, а опасность в той или иной степени ощущают только 14,3%. Однако сравнение этого показателя у мужчин и женщин показывает, что женщины значительно меньше ощущают себя в полной безопасности (женщины – 32,0%, мужчины – 46,7%; стандартизованные остатки составили для женщин – –3,2; для мужчин – 3,5), также они чаще, чем мужчины, ощущают опасность в той или иной степени (женщины – 18,2%; мужчины – 9,3%).

Эти данные совпадают с результатами социально-психологического мониторинга, проводимого Институтом психологии РАН, в котором исследуются особенности восприятия реального и оптимального риска предпринимателями-мужчинами и предпринимателями-женщинами. Зафиксировано, что у мужчин преобладает нейтральное и отрицательное отношение к риску, а у женщин – отрицательное и очень отрицательное [24].

Эмпирические исследования восприятия риска как экономической категории также показали, что женщины в большей степени воспринимают риск исключительно как негативное явление (только как опасность материальных, финансовых, временных и других потерь), а для мужчин характерен более позитивный вариант восприятия риска как возможности, шанса обретения успеха, выигрыша [10].

Следует отметить, что женщины в большей степени доверяют политическим институтам (рис. 7).

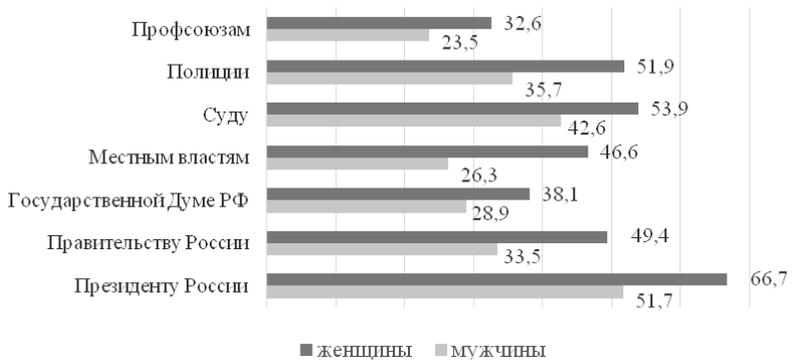

Рис. 7. Доверие политическим институтам среди женщин и мужчин, %

Анализ важного показателя «учет властью мнения населения при принятии решений» выявил, что 66,5% опрошенных считают, что власть не учитывает мнение населения при принятии решений. Согласно с тем, что власть при принятии решений учитывает мнение населения, 29,9%. Женщины в

данном случае несколько более оптимистичны, чем мужчины: 31,8% женщин полагают, что власть все же учитывает в той или иной степени их мнение, среди мужчин эта величина составила 27,4%

Женщины склонны выбирать более мягкие формы политических действий (рис. 8). Из названных форм политических действий женщины в большей степени склонны выбирать сбор подписей под обращением к властям (женщины – 80,8%; мужчины – 70,4%), во всех остальных формах мужчины превышают число женщин, допускающих свое участие в данных формах политических действий.

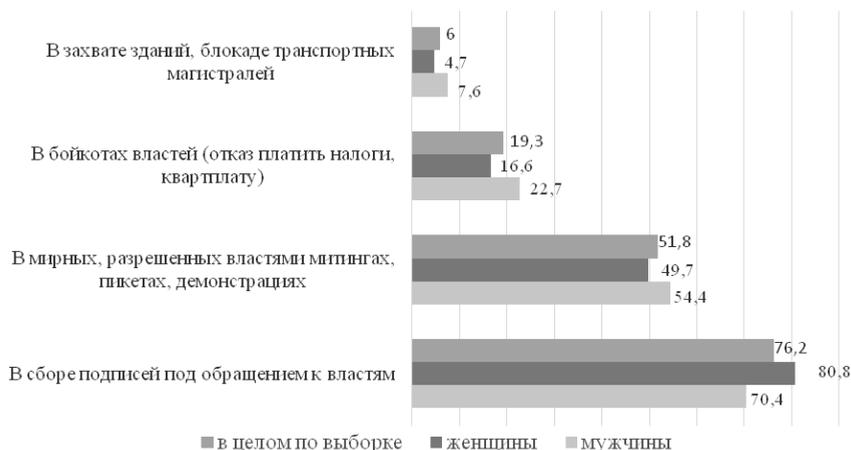

Рис. 8. Перечень допустимых форм политических действий, % от числа опрошенных

Полученные нами данные подтверждают результаты эмпирических исследований С.Н. Чируна и Е.А. Бобровой о более широком диапазоне политической активности и склонности к радикальным формам протестной активности у мужчин [26] и Е.В. Музыка, которая зафиксировала, что женщинам в большей мере свойственна конвенциональная форма политического участия [27]. Заметим, что при интерпретации этих данных надо учитывать позицию ряда исследователей, которые обоснованно акцентируют: «...в современном обществе существует определенная нормативная модель мужественности. Она включает в себя нормы твердости и антиженственности, а также готовность к агрессивному поведению и стремление утвердить свою власть. Сегодня существует кризис маскулинности, что связано со сложностью реализации предъявляемых требований в современных культурных условиях, как результат – появление множественной маскулинности» [5. С 190].

Выводы

Таким образом, гендер рассмотрен нами как одно из измерений факторов и механизмов восприятия риска. Трактовка особенностей восприятия риска невозможна без обращения к гендерным моделям объяснения и описания разных уровней идентификации риска.

Результаты исследования показывают следующее:

1. Гендерные различия в восприятии риска, «институциональная риск-рефлексивность» являются базовым структурным элементом социальной активности и частью паттернов политического действия [20. С. 55].

2. Гендерные отношения определяют «магнитуду риска» [11. С. 39], включая различия в определении приемлемой степени риска, его оценки и основных направлений нейтрализации.

3. Можно констатировать наличие различий в гендерной чувствительности выбора социальной приемлемости риска, оценок своей уязвимости. В связи с этим пристального изучения требуют механизмы гендерной рефлексии различных угроз и опасностей, нежелательных ситуаций, «гендерных режимов» (Р. Коннелл) воздействия страхов на социальные конфликты и стабильность в обществе.

4. Социологически фиксируются гендерные различия в самих трактовках «рискованного», «назначении виновных» за создание угрозы и способах управления рисками.

5. Женщины более склонны считать риски неизбежным спутником человеческого существования и значительно меньше ощущают себя в полной безопасности. Они чаще, чем мужчины, ощущают опасность неопределенности будущего и потери контроля над социальным и экономическим положением. Можно предположить, что «культурные составляющие пола» определяют различия в суждениях о значимости риска, его принятии или избегании. Женщины видят мир более опасным, потому что ощущают себя более уязвимыми и обладающими меньшим контролем над ситуациями риска.

Сравнительный анализ позволил сделать вывод о том, что женщины в большей степени, чем мужчины, обеспокоены проблемами медицины и образования. Мужчин же больше тревожат коррупция и бездействие властей. Любопытно, что угроза дискриминации по признаку пола, возраста, национальности, за религиозные, политические убеждения более существенна для мужчин.

6. Гендерные различия в восприятии риска зафиксированы и в оценках возможных реакций власти на угрозы и опасности. Женщины в большей степени склонны полагать, что при возникновении угрозы власти стараются ее «замалчивать», мужчины же считают, что власти перекладывают ответственность за решение «рисковых ситуаций» на население.

7. В ситуации возможной угрозы большинство надеется на себя, но женщины более оптимистичны в оценках учета властью мнения населения при принятии решений и более склонны, чем мужчины, надеяться в ситуации угрозы на президента страны.

8. Исследование выявило гендерные особенности доверия к государственным институтам. В целом женщины в большей степени доверяют им всем, при этом наиболее существенные гендерные различия фиксируются по отношению к полиции и местным властям.

9. Женщины склонны выбирать более мягкие формы политических действий, а мужчины более нацелены на участие в протестных акциях, в том числе и радикального характера. На наш взгляд, это связано с тем, что мужчины более склонны к производству риска, чаще реализуют рискованное поведение, рассматривая риск как стратегию выигрыша, способ жизненной адаптации.

Исследование показало, что гендерные особенности восприятия риска и гендерной уязвимости в ситуации угроз заслуживают дополнительного изучения, в том числе путем тестирования на выборках с более широким разбросом по социально-культурным признакам, религиозной ориентации, политическим предпочтениям, ценностям, мировоззрению.

Полагаем, что теоретическая и прикладная проблематизация гендерных особенностей стратегий поведения в ситуациях неопределенности и риска, гендерной дифференциации параметров его социальной приемлемости, гендерных аспектов различных видов адаптаций к риску, разных последствий управленческих решений по нейтрализации или минимизации угроз для социально-демографических групп, гендерной составляющей политических интересов в рискогенном социуме и ряд других актуальных вопросов могут стать общим каркасом для развития совокупности исследовательских направлений, которые можно обозначить как «гендерная рискология».

Список источников

1. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.
2. Weinstein N.D. Unrealistic optimism about susceptibility to health problems: conclusions from a community-wide sample // Journal of behavioural medicine. 1987. Vol. 10, № 5. P. 481–500.
3. Dolinski D., Gromski W., Zawisza E. Unrealistic pessimism // The Journal of Social Psychology. 1987. Vol. 127. P. 511–516.
4. Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса М. : МВШСЭН, 2001. С. 314–317.
5. Сухушина Е.В., Абрамова М.О., Рыкун А.Ю. Базовые элементы построения моделей воспроизводства маскулинности (опыт практического исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 184–192.
6. Диев В.С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14). С. 79–89.
7. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
8. Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2: Хрестоматия. С. 306–335.
9. Воронцов Д.В. Гендерные исследования в социальной психологии: границы поля // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6, № 2. С. 8–18.
10. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
11. Снижение риска бедствий с учетом гендерного аспекта: стратегия и практическое руководство / United Nations. Женева, 2009. 177 с.
12. Ионов И.Н. Женщины и власть в России: история и перспективы // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 75–87.
13. Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М. : РОССПЭН, 2004. 336 с.
14. Силласте Г.Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4–13.
15. Slovic P. The Perception of Risks. London : Earthscan, 2000. 473 p.
16. Гаврилов К.А. Социология восприятия риска: опыт реконструкции ключевых подходов М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2009. 196 с.
17. Slovic P., Weinstein M., Lichtenstein S. Sex Differences in the Risks a Person Selects for Himself and the Risks He Selects for Someone Else // Research Bulletin. 1957. Vol. 7, № 10. P. 1–13.
18. Slovic P. Trust, Emotion, Sex, Politics and Science: Surveying the Risk-assessment Battlefield // Environment, Ethics and Behavior. San Francisco : New Lexington Press, 1997. P. 277–313.
19. Гидденс Э. Социология. М. : УРСС, 1999. 665 с.
20. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб. : Питер, 2004. 208 с.
21. Скотт Дж. Гендер: Полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2: Хрестоматия. С. 405–437.
22. Бурдьё П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.

23. Айвазова С.Г. Гендер: граница и / или измерение политического поля. Перечитывая классиков // Политическая наука. 2018. № 2. С. 34–52.
24. Алейников А.В., Артемов Г.П., Пинкевич А.Г. Риск-рефлексии как фактор выбора форм политического участия (по итогам всероссийского опроса) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2020. Т. 20, № 4. С. 847–863.
25. Zinn J.O. A Comparison of Sociological Theorizing on Risk and Uncertainty // *Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction* / ed. by J.O. Zinn. Oxford ; Malden, MA : Blackwell Publishing, 2008. P. 174–175.
26. Чирун С.Н., Боброва Е.А. Гендерные особенности политического участия в современной России // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 2 (87). С. 104–115.
27. Музыка Е.В. Гендерные особенности восприятия власти в современной России : дис. ... канд. полит. наук. М. : Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2016. 240 с.

References

1. Yanitskiy, O.N. (2004) *Rossiya kak obshchestvo riska: metodologiya analiza i kontury kontseptsii* [Russia as a Risk Society: Methodology of Analysis and Contours of the Concept]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 5–15.
2. Weinstein, N.D. (1987) Unrealistic optimism about susceptibility to health problems: conclusions from a community-wide sample. *Journal of Behavioural Medicine*. 10(5). pp. 481–500.
3. Dolinski, D., Gromski, W. & Zawisza, E. (1987) Unrealistic pessimism. *The Journal of Social Psychology*. 127. pp. 511–516.
4. Yadov, V.A. (2001) Sotsial'nyy resurs individov i grupp kak ikh kapital: vozmozhnost' primeneniya universal'noy metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossiyskom obshchestve [The social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of using a universal methodology for studying real stratification in Russian society]. In: Zaslavskaya, T.I. (ed.) *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovney sovremennogo transformatsionnogo protsesssa* [Who and where is striving to lead Russia? Actors of macro-, meso- and microlevels of the modern transformational process]. Moscow: MHSSES. pp. 314–317.
5. Sukhushina, E.V., Abramova, M.O. & Rykun, A.Yu. (2019) Basic Elements of Masculinity Reproduction Models (Practical Research Experience). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 52. pp. 184–192. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/52/17
6. Diev, V.S. (2011) Risk and uncertainty in philosophy, science and management. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(14). pp. 79–89. (In Russian).
7. Giddens, A. (1994) Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk and safety]. *THESIS*. 5. pp. 107–134.
8. Hoffman, I. (2001) Gendernyy displey [Gender display]. In: Zherebkin, S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernyye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Vol. 2. Kharkov: KhTsi; St. Petersburg: Aleteya. pp. 306–335.
9. Vorontsov, D.V. (2009) Gendernyye issledovaniya v sotsial'noy psikhologii: granitsy polya [Gender studies in social psychology: the boundaries of the field]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal*. 6(2). pp. 8–18.
10. Beck, W. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [The risk society. On the way to another modernity]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
11. United Nations. (2009) *Snizhenie riska bedstviy s uchetom gendernogo aspekta: Strategiya i prakticheskoe rukovodstvo* [Gender-responsive Disaster Risk Reduction: A Strategy and Practical Guide]. Geneva, Switzerland: UNO.
12. Ionov, I.N. (2000) Zhenshchiny i vlast' v Rossii: istoriya i perspektivy [Women and power in Russia: history and prospects]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 4. pp. 75–87.
13. Bem, S. (2004) *Linzy genera: transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [Lenses of gender: transformation of views on the problem of gender inequality]. Moscow: ROSSPEN.
14. Sillaste, G.G. (2019) The country gender landscape as the factor of a new gender order formation, its social risk. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 3. pp. 4–13. (In Russian).
15. Slovic, P. (2000) *The Perception of Risks*. London: Earthscan.
16. Gavrilov, K.A. (2009) *Sotsiologiya vospriyatiya riska: opyt rekonstruktsii klyuchevykh podkhodov* [Sociology of Risk Perception: An Experience of Reconstructing Key Approaches]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.

17. Slovic, P., Weinstein, M. & Lichtenstein, S. (1957) Sex Differences in the Risks a Person Selects for Himself and the Risks He Selects for Someone Else. *Research Bulletin*. 7(10). pp. 1–13.
18. Slovic, P. (1997) Trust, Emotion, Sex, Politics and Science: Surveying the Risk-assessment Battlefield. In: Bazerman, M.H., Messick, D.M., Tenbrunsel, A.E. & Wade-Benzoni, K.A. (eds) *Environment, Ethics, and Behavior*. San Francisco: New Lexington Press. pp. 277–313.
19. Giddens, A. (1999) *Sotsiologiya* [Sociology]. Translated from English. Moscow: URSS.
20. Giddens, A. (2004) *Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies]. St. Petersburg: Piter.
21. Scott, J. (2001) Gender: Poleznaya kategoriya istoricheskogo analiza [Gender: A useful category of historical analysis]. In: Zherebkin, S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernyye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Kharkov: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteyya. pp. 405–437.
22. Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow: Socio-Logos.
23. Ayvazova, S.G. (2018) Gender: granitsa i / ili izmerenie politicheskogo polya. Perechityvaya klassikov [Gender: the boundary and/or dimension of the political field. Rereading the classics]. *Politicheskaya nauka*. 2. pp. 34–52.
24. Aleinikov, A.V., Artemov, G.P. & Pinkevich, A.G. (2020) Risk reflections as a factor for choosing forms of political participation (results of the all-Russian survey). *Vesnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 20(4). pp. 847–863. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-847-863
25. Zinn, J.O. (2008) A Comparison of Sociological Theorizing on Risk and Uncertainty. In: Zinn, J.O. (ed.) *Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction*. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishing. pp. 174–175.
26. Chirun, S.N. & Bobrova, E.A. (2018) Gender peculiarities of political participation in post-modern Russia. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 2(87). pp. 104–115. (In Russian).
27. Muzyka, E.V. (2016) *Gendernyye osobennosti vospriyatiya vlasti v sovremennoy Rossii* [Gender Features of the Perception of Power in Modern Russia]. Political Sciences Cand. Diss. Moscow.

Сведения об авторах:

Алейников А.В. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.alejnikov@spbu.ru

Артемов Г.П. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры этики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: g.artemov@spbu.ru

Пинкевич А.Г. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.pinkevich@spbu.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Aleinikov A.V. – Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.alejnikov@spbu.ru

Artemov G.P. – Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: g.artemov@spbu.ru

Pinkevich A.G. – Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.pinkevich@spbu.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.06.2021;
одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 08.06.2021;
approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 03.03.2022*